
РАЗВИТИЕ МИГРАЦИОННОЙ ТЕОРИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ивахнюк И. В.*

В статье рассматривается формирование теоретической базы исследования миграции населения в последней трети XX и начале XXI в. на фоне происходящих процессов глобализации. Глобализация подняла огромные волны миграции и принципиально изменила структуру миграционных потоков. В то же время глобалистика как научное объяснение современной глобализации предложила новые концептуальные схемы, которые оказались «вплетены» в миграционную теорию, делая особый акцент на складывающейся глобальной миграционной взаимозависимости стран. Особое внимание уделено существующим подходам в управлении миграцией, которые во многом направлены на ограничение миграционных потоков и тем самым по сути вступают в противоречие с глобализацией, основным принципом которой является открытость.

Ключевые слова: международная миграция, глобализация, миграционная теория, миграционная взаимозависимость, управление миграционными процессами.

The paper deals with conceptualization of migration in the last third of the 20th century and the beginning of the 21st century against the background of the modern globalization. Globalization has inspired huge waves of migration and has radically changed the structure of migration flows. At the same time, contemporary Global Studies have developed new concepts, which have been incorporated in migration theory resulting in particular focus on migration interdependence of the countries of the world. The author gives special attention to the existing migration governance approaches that are mainly aimed at restrictions on inflow of migrants. Therefore, they contradict openness as the primary paradigm of globalization.

Keywords: international migration, globalization, migration theory, migration interdependence, migration governance.

Миграция как объект изучения: системный анализ

Логика развития теории в социальных науках во многом следует за логикой развития самих социальных явлений. В полной мере это относится к миграционной теории. Усложнение структуры миграционных потоков, развитие временных видов миграции, расширение масштабов международной миграции населения, ее «вплетение» в глобализирующуюся систему мира, формирование устойчивых миграционных потоков между определенными странами – все эти явления ставили и ставят перед исследователями задачу их объяснения.

Миграция населения – это многомерное явление, причины и последствия ко-

* Ивахнюк Ирина Валентиновна – д. э. н., профессор, заместитель заведующего кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: ivakhnyuk@econ.msu.ru; irina.ivakhnyuk@gmail.com.

того должны рассматриваться на макро- и микроуровнях и только в контексте других социальных, экономических, демографических, политических процессов. Решение о миграции всегда (если только речь не идет о насильственных переселениях) принимается на микроуровне – на уровне индивида, семьи, домохозяйства. Однако на принятие этого решения оказывают воздействие многочисленные обстоятельства, в рамках которых действуют индивиды, семьи и домохозяйства. Аналогично последствия миграции не только сказываются на непосредственных участниках процесса передвижения, но и затрагивают все структуры, в которых они существовали до и после акта миграции, включая оставленный населенный пункт и страну, принимающее общество, государство назначения, а в определенном смысле и сложившиеся мирохозяйственные связи. Если миграции имеют массовый характер, эти взаимодействия проявляются особенно заметно. Они могут видоизменяться – уже под воздействием миграционных процессов – и стимулировать новые волны миграции. Теоретическое осмысление этой сложной системы взаимосвязей возможно только на основе системного подхода. Поэтому системный, комплексный подход является основным методологическим принципом изучения миграции.

В течение длительного времени в качестве центрального объекта миграционных концепций рассматривались причины миграции населения и трансформации ее видов и форм. В этом направлении успехи миграционной теории несомненны: предложены многочисленные теории макро- и микроуровня, объясняющие миграцию населения в целом и международную миграцию в частности на основании различных парадигм.

Замеченная способность миграции к «самовоспроизведению» благодаря формированию устойчивой системы взаимосвязей между факторами миграции и ее последствиями, которые, в свою очередь, становятся факторами для новых волн миграции, дала дополнительные стимулы для применения системного подхода в изучении миграции. Системный подход рассматривает миграцию населения в контексте социальных, экономических, демографических, политических и прочих реалий, существующих в тех конкретных пространствах, где происходят миграционные процессы, причем как в исходной, так и в конечной точке миграционного вектора.

Во избежание терминологической путаницы поясним, что под *системным подходом* мы понимаем направление методологии исследования, в основе которого лежит рассмотрение объекта как целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними. Системный подход в изучении миграции основан на возможно более полном, всестороннем познании и учете связей, взаимодействий, изменений, происходящих в странах/районах/обществах/индивидуумах в связи с их участием в миграционных процессах.

Международная миграция населения исключительно многообразна по своим причинам, мотивам, стратегиям, формам, степени воздействия на общество и экономику, последствиям для самих мигрантов. В этом многообразии кроется основная трудность в изучении миграции. Исследователи, специализирующиеся в различных общественных дисциплинах, изучают миграцию населения с разных точек зрения, выдвигая свои концепции и теории. Но даже представители одного направления, скажем, экономического, по-разному раскрывают природу и механизм миграции, акцентируя внимание на различных исходных положениях. В результате их теории оказываются мало связанными друг с другом. Уже давно было замечено, что «невозможно достичь полного понимания современных миграци-

онных процессов, основываясь на инструментарии лишь одной науки или фокусируясь лишь на одном исследовательском уровне» [Massey *et al.* 1993]. То, что изучение миграции должно носить междисциплинарный характер, давно является общепризнанной истиной.

Фактически все существующие миграционные теории и концепции в той или иной мере базируются на применении системного анализа. Это предопределяется самой природой миграции населения, которая является многомерным явлением и закономерности которого могут быть поняты только при комплексном исследовании. В современном глобализирующемся мире, характеризующемся усилением трансграничных потоков товаров, капиталов, технологий и людей, возрастает роль взаимосвязей и взаимозависимости от этих потоков. Это не только придает системологии как методу познания более актуальное значение, но и делает ее единственным ключом к пониманию сути социальных процессов и выявлению их современных закономерностей.

Миграция и глобализация

Международная миграция и глобализация оказываются тесно связанными между собой процессами. Глобализация характеризуется установлением прочных экономических, информационных, политических, культурных и иных связей между государствами, и именно эти связи становятся определяющим компонентом их будущего развития. Важной формой этих связей являются миграционные потоки, то есть межгосударственные перемещения людей, вызываемые объективной неравномерностью мирового экономического развития, неравенством экономических условий и возможностей в разных странах, различной степенью их вовлеченности в процессы модернизации и глобализации, потребностями мирового рынка труда.

Интересно, что если в отношении глобализации экономики исследователи более или менее единодушно сходятся на том, что началом ее истории следует считать конец 1960-х гг., то в том, что касается демографического аспекта глобализации, единого мнения нет. С одной стороны, действительно, именно в 1960-е гг. революционное развитие систем транспорта и связи в мире стало условием «миграционного взрыва»; этому способствовал и рост потребности в иностранной рабочей силе в определенных регионах. Например, история послевоенной Европы тесно связана с формированием массовых миграционных потоков, направленных в западноевропейские страны из многих регионов мира. В то же время почему не считать началом глобализации населения открытие европейцами Америки, которое фактически соединило разрозненные части планеты в единое целое? В этом случае глобализация населения имеет совершенно конкретную точку отсчета, и дата ее начала может быть указана с точностью до одного дня – это 12 октября 1492 г., то есть тот день, когда Христофор Колумб высадился на берегах Нового Света. В контексте такого подхода именно глобализация населения явилась первой и наиболее важной формой мирового глобализационного процесса.

Если же подходить к пониманию глобализации как определенной стадии современного развития мира, налицо тесное переплетение тенденций либерализации потоков товаров и капиталов с тенденциями миграционного перемещения людей. При этом обе тенденции, имея подчас то разнонаправленное, то совпадающее географическое направление, дополняют друг друга, становятся условием и результатом друг друга. Миграция объективно превратилась в структурный элемент глобальной экономики, дополнив присущую глобализации взаимозависимость госу-

дарств новой формой взаимозависимости – миграционной [Ивахнюк 2011].

Без глобализации населения, когда все новые и новые массы людей вовлекались на рынки труда и потребительских товаров, когда благодаря миграционным потокам осваивались новые земли и природные ресурсы, когда, наконец, все большая часть мирового населения получала необходимые трудовые навыки и вовлекалась в ставшее планетарным общественное разделение труда, – без всего этого не возникла бы современная система производства, принципиальной чертой которой является открытость и взаимодополняемость.

С другой стороны, глобализация мировой экономической системы привела к кардинальным изменениям масштабов и структуры миграционных потоков. Это связано прежде всего с тем, что в результате процессов глобализации происходит формирование нового разделения труда, в котором мигранты играют важную роль, заполняя своим трудом целые экономические ниши в развитых странах [Население... 2002: 280]. В низовом секторе мирового рынка труда низкоквалифицированные мигранты, в том числе нелегальные, становятся важным элементом конкурентной борьбы как между мощными транснациональными корпорациями, так и между «аутсайдерами» мирового глобализационного процесса: мелкими предприятиями сферы производства и услуг. Одновременно трудовая миграция высших эшелонов менеджеров и специалистов, которая в условиях транснационального масштаба деятельности крупнейших мировых компаний практически не знает национальных границ, обеспечивает эти компании гибким и эффективным механизмом найма и управления производством.

Глобализация производственных процессов и распространение информационных и компьютерных технологий приводят к унификации требований к квалификации работников, стандартов управления трудом, к росту роли современных профессий, для которых национальная принадлежность теряет свое прежнее значение и географические границы перестают быть реальным ограничением при трудоустройстве [Solimano 2010].

Концептуализация международной миграции в эпоху глобализации

Большинство миграционных теорий, которые принято считать общепризнанными, «классическими», возникли на Западе, в частности в тех странах, которые в наибольшей степени испытывали и испытывают на себе воздействие процессов международной миграции. В США, Канаде, Австралии, европейских государствах накоплен большой опыт концептуализации международной миграции. Основоположником миграционной теории принято считать английского географа Э. Равенштейна, который в самом конце XIX в. сформулировал так называемые «законы миграции». Многие из подмеченных им закономерностей действительно сохраняют актуальность до настоящего времени. Наиболее актуально звучит положение о том, что в основе миграции лежат прежде всего экономические причины.

Целый ряд западных научных теорий считаются – во многом заслуженно – «классическими». На этих теориях в настоящее время строится большинство эмпирических исследований и основывается построение моделей государственного управления миграционными процессами.

Период активной концептуализации миграционных процессов в последней трети XX – начале XXI в. совпадает по времени с усилением научного внимания к процессам глобализации. Это не случайно. Глобализация объективно предполагает максимально широкий взгляд на объяснение причин и последствий складывающихся взаимосвязей между странами, в том числе миграционных. То, что

в XIX в. рассматривалось как результат формирования неких «внутренних» причин для миграции, в конце XX в. не может не рассматриваться с учетом развития институциональной, информационной, транспортной инфраструктуры, мирового рынка труда, масштабных неформальных социальных сетей – всего того, что создала глобализация.

К сожалению, развитие миграционной теории шло таким образом, что результат напоминает скорее набор слабо связанных между собой теорий, концепций и моделей, а не логическую последовательную теоретическую цепочку, каждое последующее звено которой представляет собой развитие и обогащение предыдущего. Это связано прежде всего с тем, что теоретическим осмыслением миграции населения занимались представители разных направлений науки – географы, экономисты, социологи, демографы, так что применявшиеся ими подходы и методология существенно различались. Кроме того, миграция представляет собой столь многообразное и подвижное, зависящее от множества обстоятельств явление, что ее всестороннее объяснение с помощью лишь одной научной теории, может быть, и невозможно в принципе. Трудность заключается в том, что человеческое поведение, которое лежит в основе миграционного движения населения, является результатом действия множества взаимосвязанных факторов. Каждый из этих факторов в отдельности может быть объектом изучения конкретных дисциплин, но только все они вместе как единая система, в которой действует человек, становятся предметом миграционной науки, ставящей задачу объяснения закономерностей миграции населения.

Накопленный исследовательский опыт в области международной миграции бесспорно ценен. Изучение и объяснение международной миграции прошло большой путь за относительно короткий период времени, главным образом в последней трети XX и начале XXI в. – именно тогда, когда миграция проявила себя многообразным и изменчивым явлением, когда происходило накопление эмпирического материала, оттачивались методы количественных и качественных оценок. Формирование глобальной взаимозависимости и осознание общей ответственности всех государств за происходящее на планете сказались на развитии миграционной теории в направлении преодоления стихийности миграционных процессов и поиска оптимальных подходов в управлении ими.

Неоклассическая теория. В рамках экономического направления в изучении миграции, несомненно, выделяется *неоклассический подход*, прежде всего по своему воздействию на формирование миграционных концепций и моделей. Основным положением неоклассической теории миграции является то, что причины миграционной подвижности населения заключаются в различиях в уровнях заработной платы между районами/странами происхождения и назначения мигрантов. Она зародилась в рамках более общей неоклассической экономической теории, объясняющей перемещение факторов производства, в том числе рабочей силы, существующим экономическим неравенством между странами. Миграция является инструментом, нивелирующим это неравенство, поэтому в миграционной литературе неоклассическая теория получила название «пространственно-экономического баланса» [Castles, Miller 2003: 22]. Имеется в виду, что по мере экономического роста и усиления эмиграции в странах выезда постепенно уменьшается разрыв в уровнях заработной платы и сокращаются стимулы для миграции. Бывшая страна – экспортер рабочей силы может превратиться в чистого импортера трудовых ресурсов. Примерами таких превращений в Европе являются Италия,

Португалия, Испания, Греция; в Азии – Сингапур, Малайзия, Гонконг, Тайвань, Южная Корея; в Южной Америке – Аргентина, Венесуэла, Чили.

На макроуровне неоклассическая теория объясняет миграцию как результат географических различий в соотношении спроса и предложения рабочей силы. Возникающая в результате разница в уровнях заработной платы стимулирует работников передвигаться из трудоизбыточных районов с низкой заработной платой в трудонедостаточные районы с более высокой заработной платой. Миграция обеспечивает приток рабочей силы туда, где ее не хватает, и отток оттуда, где наблюдается ее избыток. Одновременно происходит формирование финансовых потоков в обратном направлении. В неоклассической модели в результате миграции населения постепенно происходит выравнивание уровней заработной платы в принимающих странах и странах происхождения. В длительной перспективе это должно привести к устранению мотивации для миграции. На деле же происходит обратное: возрастает разрыв в уровне доходов населения разных стран и соответственно стимулы для миграции [Solimano 2010].

На микроуровне неоклассическая теория миграции представляет мигрантов как рациональных индивидов, которые принимают решение о миграции на основе сопоставления ожидаемых выгод и предполагаемых издержек (*cost-benefit approach*). Предполагается, что в условиях свободного выбора и доступности информации мигранты направляются туда, где они смогут в наибольшей степени проявить свои профессиональные навыки и соответственно заработать больше денег.

Изначально неоклассическая теория миграции применялась к объяснению внутренней миграции, прежде всего миграции из села в город. М. Тодаро и Дж. Харрис разработали логическую модель (модель Тодаро – Харриса), объясняющую, почему в развивающихся странах происходит движение сельского населения в городские центры, несмотря на растущую безработицу в городах [Harris, Todaro 1970]. Авторы предположили, что до тех пор, пока разница в уровнях заработной платы между районом назначения (городом) и районом выезда (сельская местность) остается достаточно значительной, чтобы «перевесить» риск остаться безработным, миграционный поток продолжается. Позже модель Тодаро – Харриса была уточнена и усовершенствована, что сделало ее более приближенной к реальности [Todaro, Maruszko 1987; Schiff 1994]. Усовершенствование заключалось в том, что в анализ, помимо безработицы, были включены другие факторы, которые влияют на принятие решения о миграции с точки зрения возможных издержек, например затраты на переезд и обустройство и «психологические издержки» миграции, связанные с разлукой с родными, разрывом с привычной социальной средой и т. д. [Bauer, Zimmermann 1998: 97].

Эти идеи оказались особенно применимы к международной миграции. Последующее развитие теорий микроуровня, в частности теории миграционных сетей, объяснило, почему наличие у мигрантов социальных связей в стране назначения так важно для снижения материальных и психологических издержек миграции. Позже идея сопоставления ожидаемых выгод и издержек получила широкое распространение в концепциях, объясняющих международную миграцию. Дж. Бордженс предложил идею «международного иммиграционного рынка», на котором потенциальные мигранты имеют выбор, куда поехать, сопоставляя выгоды и издержки в каждом конкретном случае [Borjas 1989; 1990]. Развитие региональных и глобального рынков труда дало, казалось бы, мигрантам большие возможности для такого выбора. Однако, забегая вперед, скажем, что в современных условиях если и говорить о «международном иммиграционном рынке», то не столько мигранты выбирают, куда им поехать, сколько развитые страны, став привередли-

выми «покупателями», проводят жесткий отбор мигрантов с помощью схем селективной иммиграционной политики.

Детальное развитие неоклассическая модель получила через *концепцию человеческого капитала*, в которой миграция рассматривается как инвестиционное решение. В соответствии с концепцией человеческого капитала причины миграции рассматриваются на микроуровне: каждый человек представляет собой результат инвестиций в его образование, квалификацию, здоровье и т. д. Таким же образом миграция может быть способом инвестиции в его «человеческий капитал», если выгоды от миграции превысят ее издержки [Becker 1962; Sjaastad 1962].

Наиболее важным методологическим результатом этого направления миграционной теории явилось то, что помимо агрегированных переменных рынка труда, таких как разница в уровне заработной платы и возможность трудоустройства, в анализ оказались включены внутренняя структура рынка труда, а также индивидуальные социально-экономические характеристики участвующих в миграции людей в качестве дифференцирующего фактора.

Большинство дальнейших модификаций неоклассической теории миграции стремились прежде всего к объяснению неравномерности вовлечения стран и индивидуумов в миграционные процессы. Так, в соответствии с *теорией сегментированного (двойного) рынка труда* международная трудовая миграция рассматривается как результат действия структурных факторов, в частности постоянного спроса на иностранную рабочую силу, характерного для экономически развитых стран [Portes 1995; Piore 1979]. Раздвоение рынков рабочей силы возникает, как правило, на постиндустриальных этапах экономического развития в богатых странах с рыночной экономикой. Если рабочие места в «первичном» капиталоемком секторе обеспечивают стабильную работу и высокую оплату труда для национальной рабочей силы, то «вторичный» трудоемкий сектор предлагает низкую оплату, отсутствие стабильности и скромные возможности профессионального роста, тем самым теряя привлекательность для национальной рабочей силы и порождая структурный спрос на рабочих-мигрантов. Важным достоинством теории двойного рынка труда является не столько констатация сегментации рынка труда в постиндустриальных странах, что само по себе достаточно очевидно, и даже не стимулируемые этой сегментацией миграционные потоки. Важно, как М. Пиор объяснил причины того, почему: 1) в развитых экономиках сохраняется наличие так называемых «3D» работ – низкооплачиваемых, грязных, опасных; 2) местные работники отвергают такого рода работы; 3) не получается перераспределить внутреннюю рабочую силу и привлечь к этим работам местных рабочих с помощью таких «стандартных» механизмов, как, например, повышение заработной платы или привлечение женщин и молодежи; 4) иностранные работники соглашались на эти работы. Именно теория сегментированного рынка труда впервые указала на то, что миграция рабочей силы является структурным элементом экономики развитых стран.

Однако теория сегментированного рынка труда, воплощая чисто экономический подход, оставляет без объяснения, почему различные развитые страны, характеризующиеся примерно одинаковой структурной организацией экономики, демонстрируют совершенно различные коэффициенты миграции, как, например, Дания и Норвегия, с одной стороны, и Швейцария и Канада – с другой.

Вызывает некоторое сомнение сама парадигма неоклассической теории в применении к современным миграционным процессам. Постулируемая тенденция

к выравниванию экономических факторов игнорирует существование структурной «недоразвитости» рыночных факторов, в частности недостаточное развитие рынков капиталов и страхования в менее развитых странах, что препятствует такому развитию их экономики, при котором доходы от миграции смогли бы сыграть предписываемую им неоклассической теорией выравнивающую роль. Кроме того, неоклассическая теория не принимает в расчет миграционную политику принимающих стран, которая действует как важный ограничивающий фактор.

Замечено, что некоторое повышение уровня дохода может выступить фактором, стимулирующим миграцию, поскольку большее количество людей посчитает для себя приемлемыми расходы и риски, связанные с миграцией. Таким образом, сокращение разрыва в уровне заработной платы между странами назначения и странами выезда может на самом деле привести к *увеличению* миграции, что находится в абсолютном противоречии с парадигмой неоклассической теории миграции.

Наконец, неоклассическая теория не в состоянии объяснить существующие в современном мире многочисленные миграционные потоки из одних развитых стран в другие развитые страны при отсутствии существенных различий в уровнях экономического развития между ними, то есть когда, казалось бы, не должно остаться стимулов для миграции. «Миграционные потоки не только не прекращаются или не уменьшаются в размере по мере сокращения экономического неравенства, но в действительности масштаб миграционного движения между странами с сопоставимыми экономическими, демографическими и социальными показателями может возрастать» [Kritz *et al.* 1992: 125]. Так, если классифицировать страны по индексу человеческого развития, рассчитываемому ООН, то миграции по глобальному вектору «Юг – Север» составляют 37 % от общего объема мировых миграций, в то время как миграции между странами глобального «Юга» составляют большую долю – 45 % [Bakewell 2009: 6].

Структурно-исторический подход. Принципиально иное толкование миграции предлагает *структурно-исторический подход*, корни которого можно найти в марксистской политической экономии, а наиболее полное отражение – в *теории мировых систем* [Petras 1981; Sassen 1998] и концепции *нового международного экономического порядка* [Bohning 1994]. Фактически структурно-исторический подход возник как антитеза неоклассической теории. Его приверженцы постулируют разделение мира на более развитые и менее развитые страны, которые имеют разный доступ к ресурсам развития, и капитализм, проникая в менее развитые страны и втягивая их в международные миграционные потоки, лишь усугубляет это неравенство. Вместо модернизации и постепенного экономического прогресса, о котором говорит неоклассическая теория, бедные страны оказываются в ловушке своего маргинального положения в глобальной геополитической структуре.

Активные исследования миграции в рамках структурно-исторического подхода велись в 1970-х и особенно в 1980-х гг. Международная миграция интерпретировалась как результат асимметричного развития в результате распространения капиталистических производственных отношений и как фактор, еще более способствующий неравенству [Massey *et al.* 1998: 36].

На этом же фоне появилась *концепция зависимого развития* [Frank 1972; Varan 1973], которая рассматривает международную миграцию не просто как нежелательное для экономики менее развитых стран явление, но как один из факторов закрепления отсталости и зависимости, а отнюдь не как ресурс экономического и социального развития. В соответствии с этой точкой зрения миграция разрушает

традиционные связи в сельских обществах, подрывает их экономику и насильственно «выталкивает» людей из традиционного хозяйства [Стокер 1996: 32–33].

Эта точка зрения во многом совпадает с позицией сторонника теории мировых систем И. Валлерстайна, который классифицирует страны по их положению в мировой экономической системе и разделяет их на центральные (*core*), полупериферийные (*semi-peripheral*), периферийные (*peripheral*) и изолированные страны, выпадающие из системы (*external*) [Wallerstein 1974; 1980]. В этой конструкции развитие капиталистических отношений в периферийных странах сопровождается миграционным оттоком из них «лишнего» населения. Фактически глобализация «подгоняет» движение миграционных потоков под изменяющиеся потребности мирового рынка труда. Люди втягиваются в миграционное движение потому, что традиционные структуры, в которых они существовали, оказываются разрушенными вследствие их включения в глобальную экономическую систему.

Излишняя жесткость конструкций, предлагаемых этим направлением, не оставляет места субъективным решениям людей, отводя им лишь роль пешек в игре макросил. Кроме того, версия исторической предопределенности глобального миропорядка была фактически опровергнута недавней «реструктуризацией» мировой системы, когда целый ряд бывших отсталых стран, откуда население массово выезжало в более «успешные» государства, достигли впечатляющего экономического прогресса, несмотря на их более глубокое структурное встраивание в мировую капиталистическую систему, а может быть, именно благодаря ему [Sen 1999]. Страны Южной Европы и «азиатские тигры» благодаря включению в процессы капиталистической глобализации, а возможно, и их активному участию в мировом рынке труда и международной миграции, попали в число передовых стран мира, несмотря на мрачные прогнозы, звучавшие еще несколько десятилетий тому назад [Parademetriou 1985]. Обратим внимание на то, что эти страны были и остаются активными участниками миграционных процессов и международная миграция играет важную роль в их современном экономическом развитии, притом что миграционные потоки, связывающие их с другими странами, стали более многообразными и разнонаправленными.

Исследователи все больше сходятся во мнении, что капитализм сам по себе едва ли можно обвинять в отсталости стран и регионов. Сдвиги, происходящие в мировой системе, обозначенной И. Валлерстайном, говорят скорее о том, что перспективы экономического развития стран в гораздо большей степени зависят от условий, в которых они происходят, в частности от того, как это развитие соотнобразуется с институциональными структурами, от того, в какой степени получила развитие межгосударственная интеграция в данном регионе, наконец, от того, какая выбрана экономическая стратегия. В зависимости от этих обстоятельств включение стран в мировую систему капитализма может иметь негативные или позитивные последствия для различных групп населения. Так, трудовая миграция не может интерпретироваться лишь как отчаянное бегство от бедности, и не только потому, что самые бедные, как правило, в добровольной миграции не участвуют, но также потому, что люди выбирают миграцию не только в качестве стратегии выживания, но также в качестве стратегии развития. И это развитие действительно происходит – через возвратные потоки денежных переводов, опыта, идей и людей (возвратная миграция).

Теория «притяжения-выталкивания». Как неоклассическая теория, так и структурно-исторические теории не объясняют, почему одни люди в определенной стране решаются на миграцию, а другие – нет и почему люди склонны

мигрировать преимущественно между определенными странами. Ответ на этот вопрос попыталась предложить теория «притяжения-выталкивания» (*push-pull*). Еще в середине 1960-х гг. Е. Ли, отталкиваясь от законов Равенштейна, создал новую теоретическую конструкцию, предположив, что человек принимает решение о миграции в зависимости от: 1) факторов, определяемых районом/страной выбытия; 2) факторов, определяемых районом/страной назначения; 3) так называемых «промежуточных обстоятельств» (расстояние, развитие транспортной сети, миграционная политика и т. д.). Е. Ли показал, что миграционные потоки между определенными пунктами/районами/странами происходят не только потому, что обстоятельства, воздействующие на миграцию, сильно локализованы, но также вследствие потока информации, который «возвращается» из стран назначения через уже уехавших мигрантов и воздействует на принятие решения о миграции последующих мигрантов. В результате этого информационного потока на двух полюсах миграционного вектора структурируется представление о притягивающих и выталкивающих факторах, которые определяют решение людей о миграции [Lee 1966]. Поскольку модель «притяжения-выталкивания» Е. Ли фокусируется на индивидуальном выборе и в конечном счете стремится к уравниванию «плюсов» и «минусов», она в определенной степени ассоциируется с неоклассической теорией на микроуровне.

В дальнейшем информационная глобализация подтвердила и усилила аргументы Е. Ли, поскольку передача информации из стран назначения в страны выезда от уже уехавших мигрантов, например о возможностях трудоустройства, приобрела невиданные прежде масштабы и скорость. В результате факторы притяжения стали стимулами к миграции для еще большего количества людей.

Модель «притяжения-выталкивания» завоевала исключительную популярность в миграционной литературе и стала фактически доминирующей миграционной теорией, быть может, в силу своей относительной простоты. Обычно выделяют две основные силы, которые формируют факторы притяжения и выталкивания, – демографический (для внутренней миграции здесь важно выталкивание населения из сельских районов вследствие аграрного перенаселения, а для международной миграции – демографическое старение и убыль населения в более развитых странах на фоне продолжающегося роста населения в развивающихся) и экономический (разница в заработной плате и возможностях занятости) [Skeldon 1997: 681].

На первый взгляд, модель «притяжения-выталкивания» представляется очень привлекательной, так как она «вбирает» в себя все (или почти все) факторы, которые имеют значение в процессе принятия решения о миграции. Впрочем, она вызывает противоречивые мнения. Одни предлагают ее в качестве универсальной миграционной теории [Bauer, Zimmermann 1998]. Другие не считают ее даже теорией, низводя до описательной модели, которую невозможно проверить эмпирически [Boswell 2002; De Haas 2008].

Важно, что теория «притяжения-выталкивания» действительно не разъясняет, почему одни и те же факторы притягивают одних и не притягивают других и соответственно выталкивают одних и не выталкивают других. Иными словами, она не принимает в расчет неоднородность и стратификацию общества в странах выезда, то есть социологическая составляющая формирования миграционных потоков остается вне этой концептуальной конструкции.

На первый взгляд, предположение о том, что люди мигрируют из стран/районов с более низкой заработной платой в районы с более высокой заработной платой

платой, кажется не лишенным логики. Но на индивидуальном уровне оно не всегда подтверждается. Состоится миграционное движение или нет, зависит не столько от притягательности места назначения, сколько от того, соответствуют ли индивидуальные характеристики потенциального мигранта (его квалификация, возраст, образование, здоровье и т. д.) потребностям принимающей страны, ее экономики и рынка труда. Структурные различия в экономике между различными странами могут объяснить, почему миграция подчас происходит из стран с более высоким *средним* уровнем заработной платы в более бедные страны. Скажем, специалисты в области нефтедобычи из США могут быть заинтересованы в трудовой миграции в Россию или Азербайджан, рассчитывая на получение там более высокой заработной платы в нефтяном секторе и дополнительный профессиональный опыт.

Более того, исследования показали, что корреляция между уровнем различий в заработной плате и интенсивностью миграции отнюдь не является линейной [Skeldon 1997; De Haas 2008].

Да и действие демографического давления в качестве выталкивающего фактора опровергается ставшим типичным для современности движением населения из менее населенных и экологически более благополучных районов в более населенные, скажем, крупнейшие «глобальные» города, такие как Нью-Йорк или Лондон, где экологическая обстановка неблагоприятна, но которые тем не менее предполагают лучшие экономические и социальные возможности (образование, работа, здравоохранение, предпринимательство, развлечения).

Наконец, теория «притяжения-выталкивания» никак не объясняет возвратную миграцию, а также ситуацию, когда страна одновременно выступает страной назначения и страной происхождения мигрантов, как это имеет место с Россией, да и не только с ней.

Все это доказывает ограниченность теории «притяжения-выталкивания» в объяснении многообразия современных миграционных процессов. Она представляет собой скорее *статическую* модель, которая указывает прежде всего на внешние факторы, вызывающие миграцию, но оказывается не в состоянии объяснить многообразие *процессов* миграции, тем более в контексте взаимосвязанных с ней других социальных процессов, формирующихся во многом под воздействием современной глобализации.

Новая экономическая теория миграции. Принципиально иной ответ на вопрос о том, как и почему принимается решение о миграции на микроуровне, предложила теория, получившая название «*новая экономическая теория миграции*». Оставаясь в целом на позициях неоклассической парадигмы, новая экономическая теория миграции ставит в центр миграционной конструкции не отдельного мигранта, а семью или домохозяйство. Решение о миграции принимается коллективно, членами семьи и является частью общей семейной стратегии [Stark 1991]. В таком контексте миграция одного (или нескольких) членов семьи рассматривается как способ не только максимизировать ожидаемый индивидуальный доход, но также минимизировать риски, связанные с ведением хозяйства [Massey *et al.* 1998]. При этом минимизация рисков может быть даже более сильным стимулом для участия в международной миграции, чем существование разницы в уровнях заработной платы. Один из членов семьи может быть направлен на работу в другую страну для того, чтобы занять место на рынке труда, не зависящим от конъюнктуры своей страны, и поддерживать семью денежными переводами [Stark, Bloom 1985]. Денежные переводы мигрантов, которые остались вне поля зрения неоклассической теории и структурно-исторических концепций, выведены

новой экономической теорией миграции на первый план [Taylor 1999; Stark 1991; Maimbo, Ratha 2005; Ozden, Schiff 2006].

Конструкция новой экономической теории миграции не в состоянии объяснить все формы и виды современного миграционного движения. Концентрируясь на экономических факторах миграции и удачно интерпретируя временную трудовую миграцию, она теряет смысл, если речь заходит о переселении всей семьи. Кроме того, она объясняет причины миграции односторонне, лишь с позиций «посылающей стороны», не затрагивая «принимающую сторону». Тем не менее в современных условиях очевидного возрастания внимания к потокам денежных переводов мигрантов, суммарный объем которых в глобальном масштабе достиг в 2013 г. почти 550 млрд долларов, и их роли в экономическом развитии стран происхождения, значение новой экономической теории миграции в объяснении механизма, а главное – последствий и перспектив международной трудовой миграции, трудно переоценить.

Концепция мобильного перехода. На макроуровне альтернативой статическому подходу, характерному для неоклассической теории и структурно-историческим концепциям, стала *концепция мобильного перехода*, разработанная В. Зелинским [Zelinsky 1971]. Зелинский уточняет и развивает теорию демографического перехода, включая в него, помимо изменений в уровнях рождаемости и смертности, также динамику территориальной мобильности населения. Согласно концепции Зелинского, каждому из обозначаемых им пяти этапов демографического перехода присущи определенные формы мобильности населения. Именно последовательное изменение этих форм он назвал мобильным переходом. Таким образом, по мере модернизации общества не просто возрастает общая территориальная мобильность населения, но характер миграционных процессов меняется по мере прохождения фаз перехода.

Новаторский подход Зелинского заключался прежде всего в том, что он уже тогда почувствовал роль глобализации в видоизменениях международной миграции и рассмотрел миграционные процессы в их структурной динамике и в связи с другими динамическими процессами, как демографическими, так и социально-экономическими: экономическим ростом, развитием транспорта, формированием новых каналов передачи информации, увеличением (или сокращением) экономических возможностей, ростом благосостояния населения как условием формирования миграционных намерений. Предложенная им модель имеет четко выраженный пространственно-временной характер [Ионцев 1999]. Концепция мобильного перехода стала методологической основой для многих более поздних исследований взаимосвязи миграции и социально-экономического развития в условиях глобализации [Okolski 1999; Olesen 2002; Nayyar 2000; Solimano 2010].

Построив свою концепцию на основании опыта европейских стран, Зелинский попытался придать ей универсальный характер, предполагая, что все страны обязательно должны пройти аналогичный путь. Претензия на универсальность оказалась одновременно и сильной, и слабой стороной концепции мобильного перехода. Зелинский не раскрывает причинно-следственной связи между демографическими изменениями и изменениями форм территориальной мобильности населения. В то же время представляется, что эта связь носит не прямой, а опосредованный характер, то есть в результате включения экономических, социальных, политических и других факторов. Люди не мигрируют лишь только потому, что численность населения быстро растет. Если рост населения сочетается с высокими темпами экономического роста, как это имеет место, например, в странах Персидского залива, большинство жителей не проявляют склонности к миграции. В то же время в странах с очень низкими темпами роста населения и даже при

отрицательном естественном приросте может наблюдаться значительный отток населения при неблагоприятных экономических и политических условиях, как это имеет место в России, Украине, Польше и т. д.

Критики Зелинского обращают внимание на то, что низкая миграционная активность в традиционных обществах – это не более чем весьма популярное в западной литературе заблуждение, которое опровергнуто результатами многих исследований по Европе, Японии и современным развивающимся странам, доказывающими, что в «традиционных» крестьянских обществах может наблюдаться весьма высокая мобильность населения [Skeldon 1997; Rubenstein 1992; De Haas 2005].

Впрочем, эти критические замечания нисколько не умаляют ценности основной идеи Зелинского о наличии фундаментальной связи между определенными формами миграции населения, с одной стороны, и процессами социально-экономического и демографического развития – с другой. Несомненно, этот подход более отвечает реальности и – что важно! – может быть эмпирически доказан, в отличие от рассмотренных выше теорий структурно-исторического направления или, скажем, теории «притяжения-выталкивания».

Р. Скелдон развил и усовершенствовал теорию Зелинского, разработав глобальную схему «регионализации миграции». Указывая на существование взаимосвязи между уровнем экономического развития, политической структурой и формами мобильности населения, Р. Скелдон выделяет следующие пять групп регионов, которые в разной степени вовлечены в мировые миграционные потоки: 1) «старые» и 2) «новые» регионы «мирового центра» (*core*) (Западная Европа, Северная Америка, Япония), характеризующиеся высокой иммиграцией; 3) прилегающие к мировому центру регионы (*expanding core*) (Восточный Китай, Южная Африка, Восточная Европа), где наблюдается одновременно иммиграция и эмиграция населения; 4) зона трудовой эмиграции (*labour frontier*) (Северная Африка, Турция, Мексика, Филиппины и до недавнего времени Южная Европа), откуда происходят потоки трудовых мигрантов; 5) так называемая «ресурсная ниша» (*“resource niche”*) (отдельные районы Тропической Африки, Центральной Азии** и Латинской Америки), где миграционные потоки пока менее четко очерчены (Skeldon 1997: 52–53). В определенной степени в этой схеме угадывается теория мировых систем и классификация И. Валлерстайна, однако Р. Скелдон смещает фокус непосредственно на международную миграцию.

Дальнейшее развитие и детализацию теории мобильного перехода получила в работах Ф. Мартина и Дж. Тейлора, которые с экономической точки зрения разъяснили анатомию так называемого «миграционного горба», опираясь на заложенную Зелинским парадигму «миграция – развитие». Имеется в виду временное увеличение масштаба миграции, которое обычно проходят страны по ходу их экономического развития и которое на графике получает форму перевернутой буквы U, то есть напоминает горб (Martin, Taylor 1996). На ранних стадиях развития некоторый рост доходов приводит к росту миграции, поскольку необходимо наличие средств для того, чтобы люди смогли реально оценить, справятся ли они с расходами и рисками, связанными с участием в миграции. По мере роста благосостояния и возникновения миграционных сетей все большая часть населения втягивается в миграционные процессы. На более «зрелых» стадиях развития отток населения сокращается, и страны, прежде экспортировавшие свои трудовые ресур-

** За время, прошедшее после публикации данной классификации Р. Скелдона, государства постсоветской Центральной Азии более четко определили свою роль в международных миграционных потоках, став странами происхождения миллионов трудовых мигрантов и попав в зону 4 по вышеуказанной классификации.

сы, превращаются в импортеров рабочей силы (см., например: Bohning 1994; Olesen 2002; Martin, Taylor 1996). Именно это произошло в последние десятилетия с целым рядом государств в Южной Европе и Восточной Азии: Испанией, Италией, Грецией, Малайзией, Тайванем, Южной Кореей, а также Ирландией и Чили.

В соответствии с моделями мобильного перехода Зелинского и Мартина – Тейлора различные формы и виды миграции претерпевают изменения по мере развития общества. При этом под «развитием» понимается не только прохождение стадий демографического перехода и экономический прогресс, но также развитие транспортной инфраструктуры, средств связи, образования, доступ к информации, то есть все то, что включается в современное понимание глобализации и воздействует на повышение намерений и возможностей людей менять место или страну проживания, временно или постоянно. Поначалу такое «развитие» в широком смысле слова увеличивает внутреннюю миграцию, а вслед за тем и международную. В более длительной перспективе происходит сокращение масштаба как внутренней миграции из села в город, так и оттока населения в другие страны и – что даже более важно – диверсификация миграционных потоков и усиление роли миграционного притока, так что миграция продолжает играть важную роль и в наиболее развитых обществах.

Объяснять миграцию лишь динамикой демографических и экономических факторов было бы явным упрощением. Опыт показывает, что в странах с примерно одинаковыми темпами демографического роста и уровнем экономического развития происходят подчас совершенно различные миграционные процессы. Масштабы и направления миграции определяются взаимодействием множества переменных, таких как местоположение страны, ее место в системе мирового хозяйства, распределение доходов, безработица, развитие системы образования, характер политического режима, уровень безопасности жизни, экологическое (не)благополучие, наличие исторических политических и культурных связей с другими государствами, иммиграционная политика и т. д. Взятые вместе, эти факторы формируют склонность и возможности людей к миграции. То, насколько проявятся характеристики мобильности населения на разных фазах мобильного перехода Зелинского, во многом определяется взаимодействием всех этих факторов.

Особая заслуга концепции мобильного перехода и рассмотренных развивших ее моделей заключается в том, что они выявили существование сложных и меняющихся во времени связей между миграцией населения и развитием общества, что позволило отказаться от таких банальных, но укрепившихся в сознании идей, как «миграция порождается бедностью». Однако, концентрируясь полностью на том, как видоизменяет миграцию процесс развития, эти модели практически оставляют в стороне обратное, то есть воздействие миграции на процессы развития, причем как в странах, принимающих мигрантов, так и в странах происхождения.

(Продолжение в следующем номере)

Литература

Ивахнюк И. В. Международная миграция как ресурс развития (замечания в связи с глобальной дискуссией) // Век глобализации. 2011. № 1. С. 67–79.

Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М. : Диалог-МГУ, 1999.

Стокер П. Работа иностранцев: Обзор международной миграции рабочей силы. М. : Academia, 1996.

Население и глобализация / под ред. Н. М. Римашевской. М. : Наука, 2002.

- Bakewell O. 2009. South-South Migration and Human Development: Reflections on African Experiences. Human Development Research Paper 07. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdrp_2009_07.pdf.
- Baran P. On the Political Economy of Backwardness // *The Political Economy of Development and Underdevelopment* / Ed. by C. K. Wilber. New York : Random House, 1973. Pp. 82–93.
- Bauer T., Zimmermann K. Causes of International Migration: A Survey // *Crossing Borders: Regional and Urban Perspectives on International Migration* / Ed. by P. Gorter, P. Nijkamp, J. Poot. Aldershot : Ashgate, 1998. Pp. 95–127.
- Becker G. S. Investments in Human Capital: A Theoretical Analysis // *Journal of Political Economy*. 1962. No. 70. Pp. 9–49.
- Bohning W. R. Helping Migrants to Stay at Home // *American Academic Political & Social Science*. 1994. No. 534. Pp. 165–177.
- Borjas G. Economic Theory and International Migration // *International Migration Review*. 1989. No. 23. Pp. 457–485.
- Borjas G. Friends or Strangers. The Impact of Immigrants in the US Economy. New York : Basic Books, 1990.
- Boswell C. Addressing the Causes of Migratory and Refugee Movements: the Role of the European Union. UNHCR: New Issues in Refugee Research, Working Paper. 2002. No. 73.
- Castles S., Miller M. J. The Age of Migration. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London : MacMillan Press Ltd., 2003.
- De Haas H. International Migration, Remittances and Development: Myths and Facts // *Third World Quarterly*. 2005. No. 26. Pp. 1269–1284.
- De Haas H. Migration and Development: a Theoretical Perspective. International Migration Institute Working papers. Oxford : University of Oxford Press, 2008.
- Frank A. G. The Development of Underdevelopment // *Dependence and Underdevelopment* / Ed. by J. D. Cockcroft, A. G. Frank, D. Johnson. New York : Anchor Books, 1972.
- Harris J. R., Todaro M. P. Migration, Unemployment and Development: A Two-sector Analysis // *American Economic Review*. 1970. No. 60. Pp. 126–142.
- Kritz M., Lin Lean Lim, Zlotnik H. (eds.) *International Migration Systems. A Global Approach*. Oxford : Clarendon Press, 1992.
- Lee E. S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. No. 3. Pp. 47–57.
- Maimbo S. M., Ratha D. (eds.) *Remittances: Development Impact and Future Prospects*. N. p. : World Bank, 2005.
- Martin P. L., Taylor J. E. The Anatomy of a Migration Hump // *Development Strategy, Employment and Migration: Insights from Models* / Ed. by J. E. Taylor. Paris : OECD, 1996. Pp. 43–62.
- Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // *Population and Development Review*. 1993. No. 19. Pp. 431–466.
- Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford : Oxford University Press, 1998.
- Nayyar D. *Cross-Border Movements of People*. Helsinki : The United Nations University, World Institute for Development Economics Research, 2000.

Okolski M. Migration Pressures on Europe // *European Population: Unity in Diversity* / Ed. by D. van de Kaa, H. Leridon, G. Gesano, M. Okolski. Dordrecht, Boston, London : Kluwer Academic Publishers, 1999.

Olesen H. Migration, Return and Development: An Institutional Perspective // *International Migration*. 2002. No. 40. Pp. 125–150.

Ozden C., Schiff M. (eds.) *International Migration, Remittances, and the Brain Drain* // Washington, DC : The World Bank & Palgrave Macmillan, 2006.

Papademetriou D. G. Illusions and Reality in International Migration: Migration and Development in Post World War II Greece // *International Migration*. 1985. Vol. XXIII. Pp. 211–223.

Petras E. The Global Labour Market in the Modern Economy // *Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements* / Ed. by M. Kritiz, C. Keely, S. M. Tomasi. New York : Center for Migration Studies, 1981.

Piore M. J. *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Society*. Cambridge : Cambridge University Press, 1979.

Portes A. *The Economic Sociology of Immigration*. New York : Russell Sage, 1995.

Rubenstein H. Migration, Development and Remittances in Rural Mexico // *International Migration*. 1992. No. 30.

Sassen S. *Globalization and its Discontents*. New York : The New Press, 1998.

Schiff M. *How Trade, Aid and Remittances Affect International Migration*. Washington, D.C. : World Bank, International Economics Department, 1994.

Sen A. *Development as Freedom*. New York : Anchor Books, 1999.

Sjaastad A. H. The Costs and Returns of Human Migration // *Journal of Political Economy*. 1962. No. 70. Pp. 80–93.

Skeldon R. *Migration and Development: A Global Perspective*. Essex : Longman, 1997.

Solimano A. *International Migration in the Age of Crisis and Globalization: Historical and Recent Experiences*. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.

Stark O. *The Migration of Labor*. Cambridge; Oxford Basil Blackwell, 1991.

Stark O., Bloom D. E. The New Economics of Labor Migration // *American Economic Review*. 1985. No. 75. Pp. 173–178.

Taylor J. E. The New Economics of Labour Migration and the Role of Remittances in the Migration Process // *International Migration*. 1999. No. 37. Pp. 63–88.

Todaro M. P. A Model of Labour Migration and Rural Unemployment in Less-developed Countries // *American Economic Review*. 1969. No. 59. Pp. 138–148.

Todaro M. P., Maruszko L. Illegal Migration and US Immigration Reform: A Conceptual Framework // *Population and Development Review*. 1987. No. 13. Pp. 102–114.

Wallerstein I. *The Modern World System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century*. New York : Academic Press, 1974.

Wallerstein I. *The Modern World System I. Mercantilism and the Consolidation of the European World Economy, 1600–1750*. New York : Academic Press, 1980.

Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // *Geographical Review*. 1971. No. 61. Pp. 219–249.